

«Как ты эту песню петь будешь? Ты на себя в зеркало смотрела? Ты же лирическая героиня!» – удивлялся композитор Александр Морозов. У автора популярной песни «Домик окнами в сад» Наталья Варлей выпросила шансонную композицию «Вечер с коньяком, или Я сегодня немножечко пьяная». На встрече с ярославцами в КЗЦ «Миллениум» Наталья Владимировна исполнила еще несколько песен – известных и на собственные стихи.

Наталья ВАРЛЕЙ: Сценариями топлю камин

Кружась над золотыми куполами

В репертуаре Натальи Варлей более 60 авторских композиций, но криков «браво!» удостоилась только эта, «Слабая женщина», а отнюдь не культовая «Песня про медведей».

А вот о личной жизни актриса предпочла умолчать, зато поделилась интересными фактами из своей кинобиографии. Но прежде всего извинилась за протуженный голос: на даче из-за сильных морозов произошла авария, лопнули трубы и Варлей ездила ее ликвидировать. А начала свое выступление с песни «Новогодняя», написанной актрисой театра «Современник» Людмилой Ивановой, той самой активисткой Шурочкой из «Служебного романа». В перерывах же с удовольствием отвечала на записки зрителей.

– Вы помните, как впервые попали в Ярославль?

– Да, я еще была артисткой цирка. Шла по центральной улице, и меня после суетной Москвы изумила тишина. Помню снег и мамочку, катящую на саночках своего ребенка. Ни машин, ни суматохи. И сейчас, приезжая к вам, люблюсь городом, его храмами. Если бы у меня был выбор, где жить, кроме Москвы, наверное, это был бы Ярославль.

– Как давно вы пишете стихи?

– Начала это делать в детском возрасте. У меня несколько сборников, хотя сейчас больше пишется проза. Года в четыре научилась читать и писать. Но была очень застенчивым ребенком. Когда меня в пять лет привели в музыкальную школу и попросили спеть песенку, я пела шепотом, звук «не проклеивался». Из-за стеснительности завела дневник и, к своему удивлению, обнаружила, что мои слова складываются в рифмы. Первый стих был такой: «У грибочка шапочка и тонкая ножка. Нет у ножки тапочка, нету и сапожка».

Позднее Юрий Никулин, которого я попросила написать

предисловие к моему первому сборнику «Кружась над золотыми куполами», процитировал этот стих, назвав его грустным. А в одиннадцать я написала пророческое стихотворение. Конец его был таким: «Пусть останусь навсегда я озорной и молодой». Несмотря на то что я снялась в 61 картине, меня все равно воспринимают как Нину из «Кавказской пленницы». Славную, симпатичную девушку с живыми, искристыми глазами.

Только не артисткой!

– Кем вы мечтали стать в детстве?

– Только не артисткой! В 8 лет влюбилась в цирк и сказала родителям, что стану либо воздушной гимнасткой как Раиса Немчинская, либо укротительницей тигров, как Раиса Назарова. Я была болезненной, но очень упрямой и упорной. Например, чтобы не сдавать экзамены в музыкальной школе, порезала себе палец бритвой, а затем поступила в цирковое училище, которое окончила с отличием. Папа, он был курсантом номер 2 первого набора Севастопольского военно-морского училища, героем войны, узнав о моем решении, высказался категорично: «В семье не без уроды». Потом, правда, смирился. Он был очень веселым, остроумным, в компании постоянно разыгрывал какие-то сценки, скетчи, рассказывал анекдоты. Думаю, в нем пропал талантливый актер.

Мой дипломный номер назывался «Воздушный эквилибр на трапедии с музыкальными

инструментами». Танцевала с кастаньетами, играла на концертно и совсем уж экзотическом флексадоне на высоте 10 – 12 метров. К слову, от природы у меня боязнь высоты. Когда меня первый раз подняли с высоты одного метра до четырех, я сидела и дрожала на двух лонжах – это такие веревки, предохраняющие гимнаста от падения. Зато ощущение полета ни с чем не сравнить!

– А как же вторая мечта?

– И она в какой-то мере воплотилась. У меня постоянно дома кошки. Когда-то их было 12, а сейчас 4 кота в Москве и 3 кошки на даче. На данный момент пишу книгу о кошках.

Не одни комедии

– Вы рано начали сниматься...

– Еще со второго курса циркового училища, сыграла одну из нежных гриновских героинь и навеки влюбилась в этого писателя. У меня даже есть стихотворение «Ассоль». Кстати, в моей биографии не только комедии, есть драматические фильмы о войне – «Золото», «Бег», «Черные сухари», «Так и будет». Там я играла героиню в двух возрастах: 21 год и 60. А было мне 33. И моя Ольга Федоровна казалась мне совсем древней старушкой, с морщинами. Я даже голос делала скрипучий. Как это смешно сейчас, когда тебе 69!

– Наверняка во время съемок было много смешных, курьезных случаев?

– Когда снимали «Ливень», моя героиня выбежала на берег Иссык-Куля и ждала возвращения с рыбалки своего возлюбленного. Было очень жарко, а я босая. И вот подбегаю на точку и начинаю орать, так мне горячо. Ну решили немного откопать песочек, а я снова в крик. Потом еще глубже, я уже ору как резаная. У режиссера сдают нервы, мол, Наташа, брось капризничать. Оказалось, выбрали место, где только что засыпали костер и он доглевал.

Все делала сама

– Когда смотришь «Кавказскую пленницу», такое

Рабочее место – гроб!

– Ваши полеты в гробу в знаменитом фильме «Вий» тоже трюки?

– Разумеется. Гроб на всевозможных приспособлениях, стрелах, вертушках, крюках носился под куполом церкви. Меня укладывали, закрывали крышкой и, чтобы она раньше времени не слетела, забивали на один гвоздик, который я в нужный момент отрывала своими сильными цирковыми руками.

– Неужели совсем не страшно было?

– Какое там, в 18-то лет! После тяжелой репетиции в цирке я приходила и с большим удовольствием ложилась в гроб. Это было мое рабочее место. Пока на меня ставили свет, я лежала читала книжку. Гораздо позже я посмотрела «Вий» с заднего ряда и схватилась за голову. Такое возможно только в молодости. После «Кавказской пленницы» мне присылали пачками письма, предлагая руку и сердце. После «Вия» претендентов было гораздо меньше (улыбается).

– Вы с такой теплотой рассказываете об этих двух картинах. А какая из многочисленных ролей вам особенно дорога?

– Мать Кендарат в славянском фэнтези «Волкодав из рода Серых псов». Это старая жрица, обучающая главного героя восточным единоборствам. Мне очень близко ее мировоззрение, она внушает Волкодаву, что не надо мстить врагу. Ведь миром правит любовь.

Для обновления крови

– А как получилось, что вы еще и в Литературный институт имени Горького поступили?

– На тот момент кино перестало радовать зрителей. Фильмы все сплошь коммерческие, перестроенная «чернуха», поэтому я перестала сниматься, ушла в озвучку. В конце 80-х моим голосом говорили Вероника Кастро в мексиканском сериале «Дикая Роза» и героиня фильма Тинто Браса «Миранда». Всего же мой голос звучит в двух тысячах фильмов. Для обновления крови я поступила на факультет поэзии. Будучи мамой двоих сыновей, ночами писала контрольные, печатала стихи, на плите варился суп, в машинке крутилось белье, тут же кошка с собакой. Спала по 2 – 3 часа в сутки. Но, боже мой, какое это было счастливое время! Институт, кстати, окончила с отличием, как и Шукшинское училище.

– Почему вас не видно на экране?

– Потому что, к сожалению, нет такой роли, которую мне хотелось бы сыграть. Постоянно читаю сценарии, которыми потом, увы, топлю камин. 10 лет проработав в театре имени Станиславского, сейчас играю в антрепризах.

Записала Анастасия СОЛОВЬЕВА

Фото с сайтов concert-star.ru, crif.in.ua